

JESPER WUNG-SUNG

**EN ANDEN
GREN**

ЕСПЕР ВУН-СУН

ДРУГАЯ ВЕТВЬ

Роман

Перевод с датского
Татьяны Русуберг

ИЗДАТЕЛЬСТВО
FOLIANT
Астана

УДК 821.113.4-311.2

ББК 84(4Дан)-44

В89

Danish Arts
Foundation

Издательство выражает признательность Датскому фонду искусств за финансовую поддержку перевода этой книги.

EN ANDEN GREN

© Jesper Wung-Sung og

Rosinante/Rosinante & Co, København, 2017

Вун-Сун, Еспер

В89 Другая ветвь : роман / Еспер Вун-Сун ; [пер. с дат. Т. Русуберг]. — Астана : Фолиант, 2023. — 452 с.

ISBN 978-601-271-389-3

В 1902 году в Тиволи открылась примечательная экзотическая выставка. К аттракционам парка на этот раз прибавилось новое развлечение: здесь можно было посмотреть на самых настоящих китайцев. Их привезли прямиком из Кантона, Шанхая и Гонконга. Можно было увидеть, как они работают, готовят еду и выступают перед гостями парка. В программке среди прочего значилось: «Удивительно и граничит с невероятным, сколько физических страданий может выдержать китаец». Среди китайцев находится Сань Вун Сун. Среди посетителей Тиволи — Ингеборг Даниэльсен.

Отношения Саня и Ингеборг вызывают всеобщее осуждение в обществе. Женщины, которые вступают в связь с китайцами, клеймят как «недоженщин» либо «полуженщин», их даже обвиняют, что они «предали идеалы родины». Об этом Ингеборг читает в газете, это говорят ей близкие. Но Ингеборг — это Ингеборг, и почти невероятно, что она способна перенести ради мужчины, которого полюбила отчаянно и безоглядно.

«Другая ветвь» — это история любви, рассказ о том, как один человек может сжигать за собой все мосты, чтобы следовать за другим человеком — и другим, непроторенным жизненным путем. Современный датский писатель Еспер Вун-Сун создал художественное произведение о своих предках, впервые рассказав в романной форме о прадеде и прабабушке — мужчине и женщине из разных культур, которым пришлось бороться за счастье, преодолевая предрассудки и косность. И каждый день для них «был одной большой попыткой подавить бесконечное ощущение своей инаковости и обделенности». Так же как потом и для их детей.

Многое ли изменилось с тех пор?..

УДК 821.113.4-311.2

ББК 84(4Дан)-44

© Т. Русуберг, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ТОО «Издательство «Фолиант», 2023

ISBN 978-601-271-389-3

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Копенгаген, 1902 год	11
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Копенгаген, 1902–1903 годы	201
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Копенгаген, 1905–1906 годы	259
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Фредериксхавн, 1906–1909 годы	299
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. Берлин, 1910–1916 годы	329
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. Копенгаген, 1916–1926 годы	399
Послесловие	450

*Нет более краткого определения китайца,
чем то, что он – полная
противоположность европейца.*

«КИТАЙ В ТИВОЛИ».
ВЫСТАВОЧНЫЙ КАТАЛОГ 1902 ГОДА

ПРОЛОГ

Человек идет пешком с самого края света. Он шел всю жизнь, чтобы попасть домой. Теперь осталось лишь пересечь мост, и он дома. Другой человек идет пешком с другого края света. Он тоже шел всю жизнь, чтобы попасть домой. Осталось лишь пересечь тот же мост, и он дома. Но мост такой узкий, что на нем хватит места только для одного. Оба одновременно ступают на мост и встречаются ровно посередине.

История кончается тем, как оба с достоинством тонут.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Копенгаген,
1902 год

Сань сует контракт за пазуху и поднимает голову. От движения на лбу выступает пот, а во рту скапливается слюна. Он не страдал от морской болезни, но теперь как будто все те мучения, которым он был свидетелем во время плавания, комом встают в горле. Его выворачивает за борт. Это происходит беззвучно и незаметно: он просто наклоняется и открывает рот. На одно обманчивое мгновение он чувствует облегчение.

Туман рассеялся, и с рассветом нечеткие очертания низкого побережья показались сначала по левому борту «Маньчжурии», потом по правому. Сань не отпускает фальшборт. Тусклое, бледное солнце в синем небе освещает его спину и косичку. Неровная береговая линия прямо по курсу вырастает из моря еще на вершок. Сань поеживается, не в состоянии отогнать мысли о том времени, когда мальчишкой несчетное множество раз сидел на складской крыше из стружки и любовался кораблями на верфи Кантона и сверкающими морскими волнами. Бывали дни, когда он мог бы поклясться, что видит, как земля изгибается на горизонте; в такие дни его охватывала тяга к путешествиям — просто потому, что это было возможно.

Пока Сань стоит на палубе и смотрит, как вырастает впереди силуэт города, небо быстро сереет и начинается мелкий дождь. Капли покалывают щеки и губы, но он не двигается, пытаясь решить, какой из пяти оттенков черного мог бы лучше всего передать плоскую кучку городских строений. «Густо-черные и средне-черные мазки», — думает он. Тут Сань замечает, что рядом с ним стоит Ци. Мальчик, измученный, но здоровый, выбрался из гамака в трюме, провонявшем смолой, потом, болезнью и солью. Ребенок дрожит на прохладном утреннем воздухе.

- Ты ушел, — говорит Ци.
- Но ты спал.
- Нет, я не спал.

Сань коротко косится на мальчика, а потом переводит взгляд по направлению движения судна.

— Это там? — спрашивает Ци.

Сань хмыкает, пытаясь выглядеть равнодушным, но внутри у него все переворачивается. Тошнота возвращается. Единственное, за что он цепляется, это слова на бумаге, которую он подписал в конторе в Кантоне, — загадочные священные письма.

Его должны привезти в «страну г-на Мадсена».

Страну, которая находится «в двух днях пути от Лондона».

Сань размыкает губы и говорит:

— Я встретил человека, который сказал, что я отправлюсь в дальнее путешествие.

— Он оказался прав, — отвечает Ци и улыбается.

— Думаешь? — спрашивает Сань.

Он вспоминает, какой огромной и желтой, словно в стихах придворных поэтов, была луна, когда двенадцать китайцев из Кантона еще до рассвета переправили его на гребной лодке к поджидавшему судну через портовый лабиринт барж, яликов и барок. Он вспоминает, как знакомый ему город уменьшался на глазах, как Жемчужная река расширялась в дельте, как море раскрывалось перед форштевнем подобно серебряному вееру.

— Ты добр ко мне, — говорит Ци.

Сань делает глубокий вдох.

— У моего отца нет шелковой фабрики, — признается он. — И я не художник.

Ци смотрит на него. Сань косится в ответ, видит короткие черные волосы, топорщащиеся на макушке, маленькую раковину уха, большие темные глаза на слишком худом лице. Он не может понять, удивлен ли мальчик. Чувствует ли себя обманутым. Семья Ци умерла во время эпидемии бубонной чумы. По крайней мере, это было официальной причиной того, что мальчик оказался на борту. Саню все равно, правдива история мальчика или вымышлена. Ему хочется положить ладонь на коротко стриженный затылок.

— Кто ты тогда? — спрашивает Ци.

— У нашей семьи была бойня. Но я не хотел быть мясником.

Мальчик опускает глаза.

— Но ты будешь и дальше присматривать за мной?

— Мой отец говорил, что я не смог бы присмотреть и за дохлой курицей.

— Ты поэтому не захотел быть мясником?

Сань покачал головой:

— Нет. Я мечтал открыть свой ресторан.

Мальчик отводит взгляд.

— Они опасные? — спрашивает он.

Сань поворачивается лицом к городу. После дней, проведенных у койки Ци в трюме, он совершенно перестал понимать, где они находятся. Он только вяло отметил, что чем дальше они уплывали, тем свободнее им дозволялось передвигаться по «Маньчжурии»: теперь было слишком поздно пытаться сбежать.

Солнце старается пробиться сквозь пелену облаков, и Саня внезапно поражает мысль, что город перед ними может быть каким угодно. Возможно, он построен из песка, или пуст, или населен каннибалами или трехголовыми огнедышащими чудовищами с чешуей прочной и твердой, словно щит.

— Самое опасное в мире — не знать себя, — говорит Сань и чувствует, как маленькая рука ложится в его. Он успокаивающе поглаживает большим пальцем тыльную сторону кисти мальчика.

— Ты когда-нибудь ловил черепах?

— Нет, — отвечает мальчик. — А как их ловят?

— Руками. Но нужно схватить черепаху в нужный момент.

— А как узнать когда?

— Тогда, когда она забудет, что она черепаха.

Сань думает об освященных гробах в трюме, которые они взяли с собой на случай, если кто-то из китайцев умрет в дороге.

В контракте написано, что страна называется «Копенгаген».

Написано, что «никого не будут пытаться или каким-либо образом мучить».

Написано, что все китайцы вернутся домой «в целости».

Саню не хотелось думать о доме, но теперь, когда они приближаются к месту назначения, мысли выходят из-под контроля. Ему исполнилось девятнадцать всего месяц назад, но

прошлое уже застывает, как лак. Исчезновение отца и Чэня, закрытая бойня, безразличие властей, голод, самая холодная зима, какую только можно было упомянуть, мать и младшие братья и сестры, все те кабаки. Сань вспоминает про предсказание о журавле и ведет рукой по воздуху — не как художник, а словно пытаюсь защититься от чего-то в кошмарном сне: будто башни, купола, бронзовые шпили и ряды красных черепичных крыш этого города могут исчезнуть по одному мановению руки.

2

Взгляд Саня мечется туда-сюда, пытаюсь ухватить как можно больше. «Маньчжурия» скользит сквозь лес мачт на рейде и приближается к причалу города под названием Копенгаген. Длинный белый пароход замедляет движение, и сердце Саня бьется быстрее.

К Саню и Ци присоединились другие китайцы, столпившиеся на отведенном для них пятачке по правому борту, словно вокруг арены для петушиных боев в Кантоне. Все нервно топчутся на месте, сплевывают и ругаются. «Как люди, поставившие слишком многое на предстоящий бой», — думает Сань.

Среди китайцев на борту были одиночки, пары, семьи и даже одна театральная труппа. В Гонконге количество пассажиров удвоилось. Их посадили на французское судно «Э. Симон», отправлявшееся в Шанхай. Там всех китайцев — тридцать четыре человека — перевезли на «Маньчжурию» и загнали в трюм. Чтобы заманить на борт побольше местных жителей, судно заходило в три крупнейших портовых города. Среди пассажиров были люди разного происхождения, каждый со своей историей. Сань слышал рассказы некоторых, но общения старался избегать. Не со всеми он мог говорить, и даже когда ему встречались диалекты, которые он понимал, он притворялся, что испытывает языковые трудности, или отвечал на вопросы совершенно невпопад. Сань заставил всех поверить, что он художник и младший сын богатого шелкового фабриканта.

Будто бы привилегированное происхождение позволило ему посвятить себя искусству и отправиться в путешествие на другой край света. Языковые проблемы, морская болезнь и другие недуги среди китайцев позволили ему избежать подробных объяснений и проводить как можно больше времени в одиночестве.

Сань просидел у койки Ци пять суток. Мальчик, который и раньше был кожа да кости, теперь похудел еще больше. Его трясло в лихорадке. Сань варил суп. Он ухаживал за Ци, но иногда карабкался вверх по трапу, чтобы постоять несколько минут у фальшборта и убедиться, что море остается все таким же бесконечным и загадочным. А он все еще остается самим собой.

Моросящий дождь перестал. Каменные трех-четырёхэтажные дома с черепичными крышами вздымаются на берегу, поблескивая рядами окон с частыми переплетами. Есть что-то гипнотическое в бледно-красных крышах, волнами уходящих вдаль в тусклом свете солнца.

У дальнего конца причала стоят четыре одинаковых крана. Машина с огромным колесом выкачивает грязь и песок на две плоскодонные баржи, где ждут люди с длинными шестами. Механизм, снабженный лебедкой, забивает новые сваи. Конная повозка с кучером, сидящим очень прямо на козлах, медленно едет вдоль пристани. Позади виднеется кучка светлых складских строений с воротами темного дерева. Трое-четверо рабочих закатывают бочки в один из складов. Ворота другого открыты, рядом стоят двое людей и о чем-то спорят. Сань смотрит на все это во все глаза. Людей в гавани гораздо меньше, чем в Кантоне, — всего лишь небольшие разрозненные группы. Он не может избавиться от мысли, что впечатляющие ряды зданий за пределами порта выстроены задолго до появления этих людей, которые, должно быть, просто прижились в уже существующем городе.

Внезапно «Маньчжурия» рывком останавливается. Сань не может определить, бросили ли они якорь или это киль задел морское дно. Человек на берегу, склонившийся над тачкой, поднимает голову, оттирает пот со лба тыльной стороной кисти и резко выпрямляется. У него красное лицо, на ногах — деревянные башмаки. Он делает шаг назад и начинает кашлять.

Мгновенно на причале перед пароходом собирается толпа. В основном мужчины в грубой рабочей одежде, но появляются и женщины, и дети. Все с покрытой головой. У мальчиков и мужчин на головах кепки, только несколько человек, получше одетых, носят шляпы с тульей и полями. У девочек и женщин чепчики обрамляют круглые румяные щеки. Некоторые дети залезают на бочки, чтобы лучше видеть. Вся работа встала, только с одного конца гавани доносятся звуки ударов металла о металл. Две группы людей смотрят друг на друга, разделенные парой метров спокойной черно-зеленой воды. Сань выхватывает взглядом одного мужчину: вот он снимает серую кепку, обнажая наполовину лысую голову с мокрыми от пота пучками седых волос, и чешет затылок. Девочка говорит что-то стоящей рядом женщине, вероятно, матери или старшей сестре, и непонятная тарабарщина долетает до китайцев через полоску воды. Она стоит так близко, будто ее палец, указывающий в их сторону, может коснуться Саня.

— Стоп. *Плиз*. Сейчас же.

Господин Мадсен Йоханнес вываливается из кормовой каюты без куртки и шляпы, с подтяжками, болтающимися на бедрах.

— *Гет бэк!** Сейчас же. Назад.

Господин Йоханнес — единственный, кто немного знает китайский. Это он составил контракты. Он поворачивается и отдает команды матросам, которые тут же начинают оттеснять китайцев обратно к люку, ведущему в трюм. Один из матросов кричит и размахивает руками, как будто китайцы увидели что-то, чего им ни за что на свете нельзя было видеть. Хуан Цзюй, врач, представляющий интересы китайцев, обращается к господину Мадсену Йоханнесу, но ничего не добивается. Одного за другим их подталкивают к трапу и принуждают спуститься вниз. Из трюма Сань видит, как господин Йоханнес и матросы отводят в сторону одного китайца, маленького рикшу из Гонконга, и он исчезает из поля зрения. Последних китайцев заталкивают вниз, в темноту. Люк захлопывается, отрезая свет, и все взрывается возбужденными голосами. Начинает плакать ребенок. Сань держит Ци за руку.

*Get back! — Назад! (*англ.*)

- Что происходит? — кричит кто-то.
- Где мы?
- Кто они такие? — раздается за спиной Саня.
- Что они с ним сделают?

Сань пробует разглядеть хоть что-то во мраке трюма. Перед глазами все расплывается, и он думает о полутемном кабаке в Кантоне и черных глазах, глубоко сидящих в складках жира на лице человека, поведавшего ему о журавле. Пухлый палец указал на Саня. «Я знаю кое-что о тебе», — сказал толстяк. «Это же просто байка, которую он наверняка рассказывал тысяче молодых парней, просто чтобы ему налили стаканчик», — думает Сань, пока очертания трюма выступают перед ним из темноты. В нескольких метрах от себя Сань различает Ляня. Когда кто-то подкручивает фитиль керосиновой лампы, в руке парня на мгновение сверкает что-то, словно горсть монет. Постепенно, присмотревшись в полумраке, Сань осознает, что между костяшек Ляня торчит длинный гвоздь.

Они еще не вышли из гавани в Кантоне, когда их всех обыскали на палубе с головы до ног. Заглянули даже в пеленки младенца. Потребовались долгие переговоры, чтобы оставить себе хотя бы шпильки для волос. Писчие принадлежности Саня и настоящего художника Со Сина хранились под замком в капитанской каюте.

Внезапно все крики смолкают. Сань слышит плеск волн за обшивкой судна и другой звук, который он не сразу опознает: это шумит в ушах кровь.

- Они его режут?

Вопрос задает Ци. Сань не отвечает, но прижимает мальчика к себе и обнимает, как обнимал свою семью при прощании. Он все еще будто чувствует под ладонями позвонки младшей сестры, ее хрупкие ребра, расходящиеся от позвоночника. Поднявшись на палубу, Сань пообещал себе, что никогда не произнесет имен матери, братьев и сестер. Никогда не назовет их ни вслух, ни во сне, ни в мыслях. У них нет имени до тех пор, пока он снова не ступит на землю Кантона.

— Теперь, когда мы прибыли на место, — говорит Сань, — произойдет множество странных вещей. Как во сне. Но однажды ты проснешься и снова окажешься дома.

3

Она словно проходит по сцене в театре, где покосившиеся стены, ограничивающие задний двор, стрехи и развешанное для просушки белье — это декорации, а окна домов — ложи с нетерпеливой публикой. Только закрыв за собой дверь туалета, задвинув задвижку и сев на газету, Ингеборг может наконец выдохнуть в полумраке. Сидит, положив ладони с раздвинутыми пальцами на бедра.

Головная боль уселась над бровями, словно птица с рисунка детей торговца Бука, за которыми Ингеборг когда-то присматривала. Конечно, *эта* птица никуда не улетит, разве что покружит по голове, чтобы потом снова сесть между глаз, расправив крылья.

Откуда взялась птица? Или эти колени? Она сжимает их, словно пытается выдавить из них ответ. Почему ей не может быть все равно? Даже король с королевой едят пирожные со взбитыми сливками и ими же испражняются, как говорит Генриетта.

Она пробует улыбнуться при мысли об этом, но, когда короткий сноп света, проникающий через вентиляционную решетку в верхней части двери, касается ее ладони, она мечтает о возвращении домой. Где бы и каков бы он ни был, дом.

Она три раза шевелит большим пальцем.

Моя фамилия Никтосен. Сейчас вы будете свидетелем того, что *никто* никогда еще не видел.

4

Сань прикрывает собой мальчика, когда по палубе начинает грохотать гром. Китайцы вздрагивают, по трюму мечутся летучими мышами тени. Ци начинает всхлипывать, и Сань возвращается в лето своего детства, в те дни, когда влажная жара нарастала и поднималась к небу, словно последняя куриная фрикаделька, всплывающая в жиру, вращаясь все медленней, становясь все поджаристей и румяней, — и вот уже первые удары грома обрушиваются на плотный облачный покров, пытаясь пробить

его; снова и снова, громче и громче раздаются каскады оглушительных раскатов. Дрожа, Сань считал секунды между ударами грома и сверкающими на небе молниями, а они все сверкали и сверкали, и все вокруг будто вибрировало от электричества, пока наконец небо не прорывалось дождем, и вода сначала капала, а потом лилась на землю, мгновенно преображая переулки и улицы в бурлящие коричневые потоки и пенящиеся реки.

В это мгновение Ци цепляется за Саня и Сань мысленно стискивает руку матери. Он — ребенок, чувствующий на щеке прикосновение ткани материнского платья. Он вдыхает ее запах. Мама прижимает влажную тряпицу к его горячему лбу и рассказывает сказку, в которой всегда нужно держаться указанного пути.

Шум над трюмом неумолчный, однообразный: звуки будто движутся по кругу. Голос, который Сань узнает и который принадлежит господину Мадсену Йоханнесу, становится громче. Грохочут по палубе деревянные колеса, и Сань внезапно понимает, что происходит: господин Йоханнес приказал рикше возить себя в двуколке по палубе и теперь кому-то кричит.

Часть китайцев столпились у трапа, вытягивают шеи. Есть что-то знакомое в непонятных выкриках — тон голоса, монотонные повторения. Кричащий похож на торговца, зазывающего покупателей на рынке.

Сань вытирает вспотевшие ладони о бедра. Ему приходится признать, что он не имеет ни малейшего представления о том, что их ждет наверху. Что именно продает кричащий и по какой цене?

Здоровенный моряк-иностранец орал, покачиваясь у стойки бара, в кабачке Лю *сяньшэна**. Сань неподвижно сидел на лавке у двери. Ему запрещено было находиться в порту. Он должен был доставить животных и мясо и сразу вернуться с тележкой обратно на бойню, но Лю никогда не доносил отцу и разрешал Саню сидеть и читать по складам иностранные газеты. Трое моряков словно обезумели. Рыжий разбивал одну бутылку за другой о барную стойку, повсюду поблескивали осколки и разлитая жидкость. Жирный разглядывал застывших за столиками

* Сяньшэн — господин (кит.). Вежливое обращение.

китайцев и злобно ворчал из-под фуражки, а самый здоровенный из моряков взобрался на стойку, доски которой прогнулись под его весом: алкоголь обтекал его ноги и струйками сочился на пол.

Сань не сразу понял, что моряк мочится на Лю. Здоровяк стоял, раскинув руки, а его моча с плеском хлестала по хрупкой фигурке трактирщика. Рыжий громко гоготал, жирный хрюкал в свой стакан. Лю не двигался, даже руки не поднял, пока струя мочи била ему по плечам, лицу и груди. Закончив, моряк повернулся к залу, его красный член свисал из открытой ширинки, напоминая Саню кишки, которые выдавливали из брюха туш на бойне. Здоровяк тяжело слез на пол, застегивая ширинку, и пнул барную стойку с такой силой, что деревянная конструкция развалилась: доски и брусья с грохотом рухнули на землю. Он крикнул что-то, и все трое, покачиваясь, потянулись к выходу, где Сань прятался за своей газетой. Тут здоровяк внезапно остановился. Он сказал что-то Саню, и тому пришлось поднять глаза.

Лицо моряка напоминало распухшую маску, состоящую из красных и белых пятен. Его тонкие, белые, словно у феи, волосы стояли торчком, глаза были желтыми, как яйца попугая. От него разило спиртным, потом и мочой. Хотя Сань был до смерти напуган, он все же догадался: от него ждут ответа. Он решил рискнуть. «*Йес, сэр!*» — сказал он. Моряк оскалил кривые желтые и щербатые зубы, будто собирался откусить Саню голову, а потом расхохотался. Слюна полетела изо рта, и Сань почувствовал на лице ее влажные брызги. Затем трое моряков, все еще смеясь, вывалились из кабачка. Сань выронил газету, и только когда хотел подобрать ее, заметил клочки бумаги, прилипшие к кончикам пальцев: он вспотел так сильно, что края газеты совсем размокли там, где он держал их. Он встретился взглядом с Лю *сяньшэном*: у того были мокрыми лицо и рубашка. Сань встал и, не говоря ни слова, выскочил за дверь, преследуемый стыдом, причину которого не мог понять.

Шум и крики на палубе затихают. Становится совсем тихо. Вскоре рикшу заталкивают в трюм к остальным. Он мокрый от пота и часто дышит. Он кажется невредимым на вид, но не говорит ни слова.

Она считает венские булочки, не понимая, какое отношение они имеют к ней. Она считает их и насчитывает двадцать штук. Сравнивает двадцать одинаковых булочек между собой. Они почти не различаются формой и цветом. Те, что лежат дальше всего справа, чуть темнее по краю. Другие блестят от дополнительного слоя сахара. Она думает, что они все же одинаковы, несмотря на множество различий.

— Ингеборг! — шипит девушка в переднике и чепчике, протискиваясь мимо в облаке горячего воздуха и аромата медовых пряников.

Угол противня бьет Ингеборг по бедру. Она опускает взгляд и делает то же, что девушка перед ней, Генриетта, — вбегает в булочную со *своим* противнем, ставит его на косую полку позади прилавка и видит, как одна булочка скользит к краю. Булочку спасает палец — палец Генриетты. Девушка бросает на Ингеборг взгляд, значение которого трудно истолковать.

Звонит колокольчик над дверью. Женщина с влажными глазами и в поношенном платье приветствует их кивком. Сетка красных сосудов на ее круглых щеках похожа на карту. Это покупательница. Генриетта бросается к прилавку, опередив Ингеборг, и обслуживает клиентку. Колокольчик снова звонит, и Ингеборг узнает женщину с девочкой. Они обмениваются улыбками и вежливыми фразами, и Ингеборг чувствует, как кто-то другой занимает ее место — кто-то другой внутри нее самой, так что она может остаться у задней стены и наблюдать за всем.

Придворная пекарня Ольсена находится на Сторе Странн-стредде. Здесь сотня сотрудников, и каждое утро повозки стоят в очереди, чтобы доставить муку и хлеб в филиалы в других частях города, в том числе в булочную на Фредериксберггаде, почти на углу с Каттесунет, где работает Ингеборг. Овальная бронзовая вывеска, торчащая из красной кирпичной стены, расположена слишком низко, поэтому порой то один, то другой рабочий задевает ее, если несет лопату на плече. А рабочие тут частые покупатели. Они строят новое здание ратуши, и если

ветер дует не в том направлении, он разносит облако строительной пыли по всей Фредериксберггаде. Мастер-пекарь Хольм кипит от ярости. Это портит ему торговлю. Он послал письменную жалобу в мэрию Копенгагена, которая пока еще находится на площади Нюторв, и настаивает, чтобы сотрудницы закрывали дверь за покупателями. К двери булочной ведут три ступеньки, маленькие колокольчики на шнуре трезвонят, стоит ей открыться или закрыться.

Бывают дни, когда Ингеборг измеряет время, оставшееся до момента, когда она сможет позволить себе уйти, звяканьем колокольчика. Она протягивает покупательнице сдачу, хлеб и торт и улыбается. Но улыбается не Ингеборг, а та, другая. Это она провожает покупательницу до двери. Ингеборг позволяет этой другой трепать языком, а потом уже сама закрывает дверь и возвращается к прилавку. Генриетта стоит, как курица гузкой кверху, и поправляет пирожные на витрине. «Сейчас», — думает Ингеборг, и ее пульс учащается. Колокольчик снова звенит, и высокий светловолосый мужчина заходит в булочную.

— Добрый день, фрекен Даниэльсен, — он улыбается и приподнимает кепку.

Ингеборг хорошо его знает. Его зовут Рольф. Он подходит к прилавку прежде, чем она успеет ответить.

— Добрый день. Что бы вы хотели?

— Полкило хлеба «Ильво». Черного.

У молодого человека широкие плечи и узкие бедра, нос широкий и плоский, у него небольшие добрые глаза и белозубая улыбка. Генриетта неоднократно намекала, что юный блондин в кепке неравнодушен к Ингеборг, и эта мысль Ингеборг неприятна. Она утешает себя тем, что Генриетта, очевидно, совершенно не разбирается в противоположном поле, — стоит только посмотреть на ее жениха, чтобы в этом убедиться. Ингеборг, впрочем, не имеет ничего против молодого человека: лучше уж он, чем неуклюжий клоун вроде Эдварда, с которым помолвлена Генриетта.

Эдвард заходит дважды в день в булочную придворного пекаря Ольсена на Фредериксберггаде. Он работает в железнодорожной конторе на Титгенгаде, где возится с таблицами

и платежными ведомостями. Эдвард пухлый, толстозадый, с круглым мальчишеским лицом под шапкой темных, почти черных волос. Стоит Эдварду переступить порог, как Генриетта начинает урчать, как довольная кошка. У них есть свой ритуал: каждый раз Эдвард должен рассказать минимум один анекдот, от которого Генриетта рассмеется. Когда она хохочет особенно звонко, Эдвард по-стариковски покашливает от восторга. К сожалению, это распаляет его, заставляет верить, что он может рассмешить и Ингеборг. Он отпускает забавную шуточку, но от молчания Ингеборг румянец ползет с его щек на шею и он снова покашливает, чтобы скрыть смущение.

Генриетта всегда подкладывает дополнительный крендель, посыпанный сахаром, в его пакет, и оба фыркают от смеха, как будто это что-то значит: что-то особенное. Но самое поразительное то, как они могут болтать, ничего при этом не говоря. Если нет покупателей и Хольм не показывается в булочной, эти двое могут стоять, хихикать и бесконечно обмениваться банальностями: что и как сказал коллега, какая разница между пробниками тканей занавесок, на сколько минут опоздал двенадцатичасовой поезд из Роскилле, — и все это, пока Ингеборг изо всех сил притворяется абсолютно глухой.

Ах, если бы люди думали, что Ингеборг говорит то, что говорит, или не говорит вовсе потому, что она совершенно глухая! Вот было бы здорово. Она упаковывает хлеб для молодого человека в бумагу и не может заставить себя спросить, не нужно ли ему чего-нибудь еще, поэтому протягивает сверток, не говоря ни слова. Она не рассказала Генриетте, что Рольф однажды спросил, когда она заканчивает работу. Впрочем, тут и рассказывать нечего, потому что Ингеборг ничего не ответила, притворившись, что не слышала вопроса. Теперь его зубы блестят:

— Не могли бы вы дать мне венскую булочку?

— К сожалению, они кончились, — вырывается у Ингеборг прежде, чем она вспоминает о двадцати булочках на полке позади нее.

Видел ли он, как она ставила противень на полку? Ингеборг не знает, чем занимается молодой человек: вероятно, каким-то